

Артур Конан Дойль. Сухопутный пират (Насыщенный час)

Место - пустынный, окаймленный зарослями вереска участок шоссе Истборн-Танбридж близ Кросс-Инхенда. Время - половина двенадцатого ночи в одно из воскресений на исходе лета.

По дороге медленно двигался автомобиль - поджарый, длинный "роллс-ройс" с мягким ходом и тихо урчащим мотором. В ярком свете передних фар по сторонам проплывали, как на киноэкране, колеблемые ветром верхушки трав и кустарника и тут же отступали во мрак, казавшийся по контрасту еще более густым. Позади на полотне дороги отсвечивало рубиновое пятно от стоп-фары, однако ее тусклый красноватый свет не позволял разглядеть номерной знак. Это была открытая машина туристского типа, но даже в темноте безлунной ночи наблюдатель не мог бы не заметить какой-то бесформенности ее очертаний. Все стало ясно, когда автомобиль пересек широкий поток света, падавший из открытой двери придорожного коттеджа. Кузов машины был накрыт чехлом из сурового полотна. Даже длинный черный капот был тщательно задрапирован каким-то материалом.

Странным автомобилем управлял широкоплечий, плотный водитель; он был один в машине. Низко надвинув на глаза тирольскую шляпу, он сидел, сгорбившись над рулевым колесом. В тени, отбрасываемой шляпой, сверкал багровый кончик горящей сигареты. Воротник свободного, широкого пальто из материала, похожего на бобрин, был поднят. Человек сидел, подавшись вперед и вытянув шею, и пока автомобиль с переключенным на холостой ход мотором бесшумно скользил вниз по отлогой дороге, водитель, словно в каком-то нетерпеливом ожидании, пристально всматривался в темноту.

Издалека, с южной стороны, донесся приглушенный расстоянием автомобильный сигнал. В воскресную ночь в таком месте движение по дороге происходило преимущественно с юга на север - поток лондонцев, отдыхавших на побережье, возвращался в столицу. Человек в машине выпрямился и прислушался. Сигнал повторился в той же стороне. Человек снова нагнулся над рулем, все так же напряженно всматриваясь в темноту, потом внезапно

выплюнул окурок и глубоко вздохнул. Далеко впереди, огибая поворот шоссе, показались две маленькие желтые точки. Вот они скрылись в выемке, потом снова вынырнули и снова исчезли. Водитель замаскированного автомобиля перешел от пассивного ожидания к действиям. Он достал из кармана черную маску, надел ее и приладил на лице, так, чтобы она не мешала видеть. На мгновение он включил ручной ацетиленовый фонарик, быстро оглядел себя и положил фонарь на сиденье рядом с маузером. Потом он еще ниже надвинул шляпу, выжал сцепление и включил коробку скоростей. Вздрогнув и заурчав, черная машина словно подпрыгнула и, мягко дыша мощным мотором, помчалась по отлогому спуску. Шофер выключил передние фары и припал к рулю. Только мутно-серая полоса в темном вереске показывала линию дороги. Спереди донеслось лязганье и фыркание встречной машины, взбравшейся на подъем. Напрягая старческие силы, она кашляла и хрипела, а ее мотор стучал, как больное сердце. Ярко-желтые лучи света еще раз скрылись из глаз - машина снова нырнула во впадину, а когда она выбралась на пригорок, между двумя автомобилями оставалось ярдов тридцать. Черная машина резко встала поперек дороги, преграждая путь, и человек в маске предупреждающе помахал ацетиленовым фонариком. Старенький автомобиль отчаянно взвизгнул тормозами и остановился как вкопанный.

- Эй, вы! - послышался раздраженный голос. - Так недолго и аварию устроить! Почему, черт возьми, вы не включаете передние фары? Я чуть на вас не наехал!

Луч фонарика осветил крайне рассерженного румяного молодого человека с голубыми глазами и русыми усами, одиноко сидевшего за рулем ветхого двенадцатисильного "уолсли". Внезапно сердитое выражение на его покрасневшем лице сменилось крайним недоумением. Водитель замаскированного автомобиля уже стоял на дороге, наводя на путешественника темный длинноствольный пистолет, за которым виднелась черная маска с мрачно смотревшими сквозь прорези глазами.

- Руки вверх! - послышался отрывистый, резкий приказ. - Руки вверх!
Или...

Водителя "уолсли" никто не назвал бы трусом, тем не менее он поднял

руки.

- Вылезайте!

Под дулом пистолета, по-прежнему освещаемый лучом фонарика, молодой человек вышел на дорогу. Он попытался было опустить руки, но суровый окрик заставил его отказаться от своего намерения.

- Послушайте, вы не находите, что все это как-то устарело, а? - заговорил он. - Вы, наверно, шутите?

- Ваши часы! - приказал человек с пистолетом.

- Да что вы!

- Я сказал, ваши часы!

- Пожалуйста, берите, если они так вам нужны. Кстати, часы только позолочены. Вы либо опоздали лет на двести, либо ошиблись на несколько тысяч миль. Вам надо бы подвизаться в пустынях Австралии или в Америке. А здесь, на дороге в Суссексе, вам просто не место.

- Бумажник! - продолжал грабитель, тон и манеры которого исключали всякую мысль о сопротивлении. Ему тут же вручили бумажник.

- Кольца?

- Не ношу.

- Встать вон там. И не двигаться. - Грабитель прошел мимо своей жертвы, откинул капот "уолсли" и засунул в мотор руку со стальными плоскогубцами. Послышался треск перерезанной проводки.

- Черт бы вас побрал! - закричал хозяин "уолсли". Не уродуйте машину!

Он повернулся, намереваясь подойти к автомобилю, но грабитель молниеносно направил на него револьвер. Однако как ни быстро действовал неизвестный, в тот момент, когда он выпрямился над капотом, молодой человек заметил нечто такое, что заставило его вздрогнуть от изумления. Он хотел что-то сказать, но сдержался.

- Садитесь в машину! - приказал грабитель.

Молодой человек занял свое место.

- Ваше имя?

- Рональд Баркер. А ваше?

Человек в маске предпочел не заметить этой дерзости.

- Где вы живете?

- Мои визитные карточки в бумажнике. Можете взять одну из них.

Грабитель вскочил в "роллс-ройс", мотор которого все это время тихо урчал и пришепetyвал, словно аккомпанируя их диалогу. Он с шумом спустил ручной тормоз, включил скорость, резко развернулся и на большой скорости объехал неподвижный "уолсли". Через минуту он уже был в полумиле от места происшествия и мчался, сверкая фарами, по дороге на юг. Мистер Рональд Баркер тем временем, светя себе фонариком, лихорадочно рылся в ящике с инструментами в поисках куска проволоки, которая позволила бы ему исправить электропроводку и продолжить путь.

Отъехав на безопасное расстояние, грабитель остановил машину и достал из кармана отобранные у Баркера вещи: часы он положил обратно, затем открыл бумажник и пересчитал деньги. Вся жалкая добыча составила семь шиллингов. Но ничтожные результаты затраченных усилий, видимо, не оказали на грабителя никакого впечатления, наоборот, лишь позабавили его; глядя при свете фонарика на две полукроны и флорин, он рассмеялся. Неожиданно его поведение изменилось. Он сунул в карман тощий бумажник, освободил тормоз и с тем же решительным выражением на лице, с каким только что провел свою первую операцию, помчался дальше. Вдали снова показались фары встречной машины.

Теперь грабитель действовал смелее. Приобретенный опыт, несомненно, внушил ему самоуверенность. Не выключая фар, он сблизился с встречной машиной, затормозил посередине дороги и потребовал, чтобы путешественники остановились. Те повиновались, ибо представшее им зрелище производило довольно внушительное впечатление. Они увидели два пылающих диска по бокам черного радиатора, а выше - лицо в маске и зловещую фигуру водителя. Золотистый сноп света, отбрасываемый пиратской машиной, выхватывал из темноты элегантный открытый двадцатисильный "хамбер"; за его рулем, растерянно мигая, сидел явно ошеломленный коротышка шофер в форменной фуражке. В окна машины с обеих сторон высовывались повязанные вуалетками шляпки и под ними изумленные лица двух хорошеньких молодых женщин. Одна испуганно визжала на все повышающейся ноте. Другая держалась спокойнее и

рассудительнее.

- Возьми же себя в руки, Гильда! - шептала она. - Замолчи, пожалуйста, не будь такой дурой. Нас разыгрывает Берти или кто-то другой из мальчиков.

- Нет, нет! Это настоящий налет, Флосси! Это самый настоящий бандит. О боже, что же нам делать?

- Нет, но какая реклама! Какая потрясающая реклама! В утренние газеты уже не попадет, но вечерние, конечно, напечатают.

- А во что она обойдется нам? - простонала Гильда. - О Флосси, Флосси, сейчас я упаду в обморок! А может, нам лучше закричать? Ты только взгляни, как он страшен в этой черной маске!.. Боже мой, боже мой! Он убивает бедного маленького Альфа!

Поведение грабителя действительно внушало тревогу. Он подбежал к машине и за шиворот вытащил шофера из кабины. При виде маузера коротышка водитель тотчас же перестал протестовать, послушно откинул капот машины и вытащил из мотора свечи. Лишив свою добычу возможности двигаться, замаскированный бандит с фонариком в руке шагнул вперед и остановился у дверцы машины. На этот раз он не проявил той резкости, с которой обошелся с мистером Рональдом Баркером, и хотя его голос и манеры оставались суровыми, все же вел он себя учтиво.

- Сожалею, сударыня, что вынужден вас побеспокоить, - обратился он к дамам, приподнимая шляпу, и его голос был заметно выше того, каким он разговаривал со своей предыдущей жертвой. - Позвольте узнать, кто вы.

Мисс Гильда не могла произнести ничего связного, зато мисс Флосси оказалась особой с более твердым характером.

- Нечего сказать, хорошенькое дельце! - воскликнула она. - Хотелось бы мне знать, какое вы имеете право останавливать нас на дороге?

- У меня мало времени, - ответил грабитель более сухо. - Потрудитесь отвечать.

- Скажи же ему, Флосси! Ради бога, будь с ним мила! - шепнула Гильда.

- Мы артистки театра "Гэйети" в Лондоне. Возможно, вы слышали о мисс Флосси Торнтон и мисс Гильде Маннеринг? Всю прошлую неделю мы играли в "Ройял" в Истборне, а в воскресенье решили отдохнуть. Ну, вас устраивает

мой ответ?

- Я вынужден потребовать ваши кошельки и драгоценности.

Обе дамы испустили пронзительный вопль, но, как и мистер Рональд Баркер незадолго до них, обнаружили, что непреклонное спокойствие незнакомца принуждает к повиновению. Они торопливо отдали кошельки, а на переднем сиденье автомобиля скоро выросла кучка сверкающих колец, браслетов, брошек и цепочек. В свете фонарика брильянты мерцали, словно электрические искорки. Грабитель прикинул в руке сверкающий клубок.

- Тут есть что-нибудь особенно вам дорогое? - спросил он, но мисс Флосси не собиралась идти на компромисс.

- Не разыгрывайте из себя Клода Дюваля! - воскликнула она. - Или берите все, или ничего не берите. Мы не намерены принимать из милости крохи нашего же собственного добра.

- За исключением ожерелья Билли! - поспешно заявила Гильда и протянула руку к короткой нитке жемчуга. Грабитель с поклоном вернул ей ожерелье.

- Что-нибудь еще?

Храбрая Флосси, а вслед за ней и Гильда внезапно разрыдались. Слезы женщин произвели совершенно неожиданный эффект: грабитель поспешно бросил драгоценности на колени ближайшей к нему дамы.

- Вот, возьмите. Все это только мишура. Для вас она представляет ценность, для меня никакой.

Слезы немедленно сменились улыбками.

- А наши кошельки можете взять. Реклама нам дороже всего. Но что у вас да странный метод зарабатывать на жизнь - это в наше-то время! Вы не боитесь, что вас поймают? Все это так удивительно, будто сцена из какой-то комедии.

- Возможно, из трагедии, - заметил бандит.

- О, надеюсь, что нет, я уверена что нет! - одновременно воскликнули обе артистки.

Но грабителю было некогда продолжать разговор. Далеко на дороге показались две маленькие светящиеся точки. Предстояло новое дело, и им нужно было заняться отдельно. Он развернул автомобиль, приподнял в знак

прощания шляпу и поспешил навстречу очередной жертве, а мисс Флосси и мисс Гильда, высунувшись из приведенной в негодность машины и все еще переживая свое приключение, наблюдали за красным пятнышком стоп-фары, пока оно не слилось с темнотой.

Но в этот раз грабитель мог рассчитывать на более богатую добычу. Освещая дорогу четырьмя большими фарами, на возвышенность взбирался роскошный шестидесятилетний "даймлер"; его ровное глубокое похрапывание свидетельствовало о большой мощности мотора. Подобно старинному испанскому галиону с высокой кормой, груженному сокровищами, автомобиль шел своим курсом, но должен был остановиться, когда встречная машина развернулась у него перед самым радиатором. Из открытого окна лимузина высунулось разъяренное, покрытое красными пятнами лицо. Грабитель увидел высокий лоб с большими залысинами, отвислые щеки и маленькие злые глазки, проглядывающие из складок жира.

- Прочь с дороги! Сейчас же убирайся с дороги! - резким, скрипучим голосом крикнул путешественник. - Хери, поезжай прямо на него. Или иди и вышвырни его из машины! Он пьян, говорю тебе, он пьян!

До этого манеры современного сухопутного пирата можно было назвать даже учтивыми. Теперь они стали грубыми. Когда шофер, плотный, сильный человек, подстегиваемый выкриками своего пассажира, выскочил из машины и вцепился грабителю в горло, тот ударил его по голове рукояткой револьвера. Шофер со стоном упал на землю. Переступив через распростертое тело, незнакомец с силой рванул дверцу автомобиля, схватил толстяка за ухо, не обращая внимания на его вопли, выволок на дорогу. Потом, неторопливо занося руку, дважды ударил его по лицу. В тиши ночи пощечины прозвучали, как револьверные выстрелы. Побледневший, словно мертвец, и почти потерявший сознание толстяк бессильно сполз на землю возле машины. Грабитель распахнул на нем пальто, сорвал массивную золотую цепочку со всем, что на ней было, выдернул из черного атласного галстука булавку с крупным сверкающим брильянтом, снял с пальцев четыре кольца, каждое из которых стоило по меньшей мере трехзначную сумму, и, наконец, вытащил из внутреннего кармана толстяка пухлый кожаный бумажник. Все это он переложил

в карманы своего пальто, добавив жемчужные запонки пассажира и даже запонку от его воротника. Убедившись, что поживиться больше нечем, грабитель осветил фонариком распростертого шофера и убедился, что тот жив, хотя и потерял сознание. Незнакомец вернулся к хозяину и начал яростно срывать с него одежду; полагая, что пришел его конец, толстяк задрожал и в ужасе заскулил.

Неизвестно, что собирался сделать бандит, но ему помешали. Какой-то звук заставил его повернуть голову, и он увидел невдалеке огни быстро приближающейся с севера машины. Несомненно, она уже повстречалась с ограбленными и теперь шла по его следу, набитая полицейскими со всей округи.

В распоряжении грабителя оставались считанные минуты. Он бросил валявшегося на земле толстяка, вскочил в машину и на полной скорости помчался по шоссе. Немного погодя "роллс-ройс" свернул на узкую проселочную дорогу и полетел по ней, не сбавляя хода. Лишь после того, как между ним и преследователями оказалось пять миль, неизвестный рискнул остановиться. В уединенном месте он пересчитал добычу всего вечера: тощий бумажник мистера Рональда Баркера, более толстые - четыре фунта в обоих - кошельки актрис и в заключение великолепные драгоценности и туго набитый бумажник плутократа с "даймлера". Пять бумажек по пятьдесят фунтов, четыре по десять, пятнадцать соверенов [золотая монета достоинством в один фунт стерлингов] и некоторое количество ценных бумаг представляли солидную добычу. Для одного вечера вполне достаточно. Пират спрятал награбленное в карман, закурил и продолжал путь с видом человека, совесть которого абсолютно чиста.

В понедельник утром, на следующий день после насыщенного событиями вечера, сэр Генри Хейлуорти, хозяин Уолкот-олд-плейс, не спеша позавтракал и направился в кабинет, собираясь перед уходом в суд написать несколько писем. Сэр Генри был заместителем главного судьи графства, носил титул баронета и происходил из древнего рода; судействовал он уже десять лет и, кроме того, славился как коннозаводчик, вырастивший много отличных лошадей, и как самый лихой наездник во всем Уилде. Высокий и стройный, с

энергичным, тщательно выбритым лицом, густыми черными бровями и квадратным подбородком, свидетельством решительного характера, он принадлежал к числу тех, кого предпочтительнее иметь в числе друзей, нежели врагов. Ему было около пятидесяти, но он выглядел значительно моложе. Единственным, что выдавало его возраст, была маленькая седая прядь, которую природа, подчиняясь одному из своих капризов, поместила над правым ухом сэра Генри, отчего его густые черные кудри казались еще темнее. В то утро он был рассеян и, раскурив трубку, уселся за письменный стол и глубоко задумался над чистым листом почтовой бумаги.

Внезапно он очнулся. Из-за скрытого лавровыми кустами поворота подъездной аллеи послышался отдаленный лязг металла, вскоре переросший в стук и грохот старенького автомобиля. Вот на аллее показался древний "уолсли", за рулем которого сидел румяный молодой человек с русыми усами. При виде него сэр Генри вскочил, но тут же снова опустился на стул. Через минуту слуга доложил о приходе мистера Рональда Баркера, и сэр Генри поднялся ему навстречу. Визит казался слишком ранним, но Баркер принадлежал к числу близких друзей сэра Генри. Каждый из них заслуженно слыл прекрасным стрелком, наездником и игроком в бильярд, общность интересов и вкусов сблизила их, и младший (и более бедный) из друзей обычно проводил в Уолкот-олд-плейс по меньшей мере два вечера в неделю. Сэр Генри с дружески протянутой рукой поспешил навстречу Баркеру.

- А! Ранняя пташка! - пошутил он. - Что это с вами? Если вы отправляетесь в Льюис, могу составить вам компанию.

Однако молодой человек держался как-то странно и невежливо. Не обращая внимания на протянутую руку и дергая себя за длинные усы, он стоял, вопросительно и раздраженно поглядывая на судью.

- Ну-с, в чем же дело? - поинтересовался судья.

Молодой человек продолжал молчать. Он явно хотел что-то сказать, но не решался. Сэр Генри начал терять терпение.

- Вы, кажется, не в себе сегодня. В чем же все-таки дело? Вас что-нибудь расстроило?

- Да, - многозначительно ответил Рональд Баркер.

- Что же?

- Вы!

Сэр Генри улыбнулся.

- Садитесь, мой друг. Если вы недовольны мною, - я слушаю вас.

Баркер сел. Он, видимо, собирался с силами, прежде чем бросить обвинение, а когда наконец решился, оно напомнило пулю, вылетевшую из револьвера.

- Почему вы ограбили меня вчера вечером?

Судья не выразил ни удивления, ни возмущения. Ни один мускул не дрогнул на его спокойном, невозмутимом лице.

- Вы утверждаете, что я ограбил вас вчера вечером?

- На Мейфилдской дороге меня остановил высокий, крупный тип в машине. Он сунул револьвер мне в физиономию и отобрал бумажник и часы. Сэр Генри, это были вы.

Судья улыбнулся.

- Разве у нас тут нет других высоких, крупных людей? Разве только у меня есть автомобиль?

- Уж не думаете ли вы, что я не в состоянии отличить "роллс-ройс" от машины других марок? Это я, проведший полжизни в машине, а полжизни - под ней?! У кого, кроме вас, есть тут "роллс-ройс"?

- Мой дорогой Баркер, а вы не думаете, что подобный современный бандит, как вы его охарактеризовали, скорее всего, будет оперировать где-нибудь за пределами своего района? А сколько "роллс-ройсов" можно увидеть на юге Англии?

- Неубедительно, сэр Генри, неубедительно! Я даже узнал ваш голос, хотя вы и пытались его изменить. Однако довольно! Зачем вы это сделали? Вот чего я никак не могу понять. Ограбить меня, одного из своих ближайших друзей, человека, который помогал вам, как мог, во время выборов, ради каких-то дешевых часов и нескольких шиллингов... Нет, это просто невероятно!

- Просто невероятно, - повторил судья, улыбаясь.

- А потом еще эти бедняжки-актрисы, которые вынуждены сами зарабатывать

себе на жизнь. Я ехал вслед за вами. Это же отвратительно! Другое дело с этой акулой из Сити. Если уж промышлять грабежом, то грабить подобных типов - дело справедливое. Но своего друга и этих девушек... Ну, знаете, просто не могу этому поверить.

- Тогда почему же верите?

- Да потому, что это так.

- Просто вы убедили себя в этом. Но чтобы убедить других, у вас нет никаких доказательств.

- Я готов под присягой показать против вас в полицейском суде. Когда вы рвали электропроводку в моей машине - какая возмутительная наглость! - я увидел выбившуюся из-под вашей маски вот эту седую прядь. Она-то и выдала вас.

При этих словах внимательный наблюдатель заметил бы на лице баронета чуть заметный признак волнения.

- У вас, оказывается, довольно живое воображение, - заметил он.

Гость покраснел от гнева.

- Взгляните сюда, Хейлуорти, - сказал он, открывая руку и показывая небольшой, с неровными краями треугольник черной материи. - Видите? Это валялось на дороге около машины молодых женщин. Вы, должно быть, вырвали кусок, когда высккивали из автомобиля. Пошлите-ка за своим черным пальто, в котором вы обычно сидите за рулем. Если вы не позвоните сию же минуту прислуге, я позвоню сам и добьюсь, чтобы его принесли. Я намерен разобраться в этом деле до конца, и не стройте на сей счет никаких иллюзий.

Ответ баронета оказался неожиданным. Он встал, прошел мимо кресла Баркера к двери, запер ее на ключ, а ключ положил в карман.

- Вам-таки придется разобраться до конца, - сказал он. - Пока вы будете разбираться, я закрываю дверь на замок. А теперь, Баркер, поговорим откровенно, как мужчина с мужчиной, причем от вас зависит, чтобы наш разговор не закончился трагедией.

С этими словами он приоткрыл один из ящиков письменного стола. Его гость сердито нахмурился.

- Угрозы вам не помогут, Хейлуорти. Я выполню свой долг, вам не удастся меня запугать.

- Я и не собираюсь вас запугивать. Говоря о трагедии, я имел в виду не вас. Я хотел сказать, что нельзя допустить огласки этой истории. Родных у меня нет, но существует фамильная честь, и с этим невозможно не считаться.

- Слишком поздно об этом думать.

- Не совсем так. А теперь мне нужно многое рассказать вам. Прежде всего вы правы - это я вчера вечером остановил вас на Мейфилдской дороге.

- Но почему...

- Подождите. Я сам все расскажу. Вот взгляните. - Сэр Генри открыл ящик стола и вынул из него два небольших свертка. - Сегодня вечером я собирался отправить их по почте из Лондона. Один адресован вам, и я, разумеется, могу отдать вам свертки сейчас. В нем ваши часы и бумажник. Как видите, если не считать порванной электропроводки, вы не понесли никаких потерь в результате вчерашнего приключения. Другой свертки адресован молодым дамам из театра "Гэйети", и в нем находятся и кошельки. Надеюсь, вы убедились, что еще до того, как вы пришли разоблачить меня, я намеревался полностью возместить ущерб каждому из потерпевших?

- И что же? - спросил Баркер.

- А теперь перейдем к сэру Джорджу Уайльду. Возможно, вам не известно, что он глава фирмы "Уайльд и Гугендорф" - той самой, что основала этот гнусный "Ладгейтский банк". Иное дело - его шофер. Даю слово, я собирался вознаградить его. Но главное - хозяин. Вы знаете, я небогатый человек. Мне кажется, об этом известно всему графству. Я слишком много потерял, когда "Черный тюльпан" проиграл на состязаниях в Дерби. Были и другие затруднения. Потом я получил наследство - тысячу фунтов. Этот проклятый банк платил семь процентов по вкладам. Я был знаком с Уайльдом, и, встретившись с ним, я спросил, можно ли доверить свои деньги банку. Он ответил утвердительно. Я вложил свои сбережения, а через двое суток Уайльд объявил себя банкротом. В долговом суде выяснилось, что он уже в течение трех месяцев знал о неизбежном крахе. Знал, и все же взял на свой тонущий корабль все, что у меня было. Черт бы его побрал, ему-то что, у него и без

того хватает. Ну, а я потерял все, и никакой закон не смог мне помочь. Он самым настоящим образом ограбил меня. При следующей встрече он расхохотался мне в лицо. Посоветовал покупать консоли [облигации государственной консолидированной ренты, по которым выплачивается два с половиной процента годовых] и сказал, что я еще дешево отделался. Тогда я поклялся во что бы то ни стало сквитаться с ним. Я принялся изучать его привычки. Я узнал, что вечерами по воскресеньям он возвращается из Истборна. Я узнал, что он всегда имеет при себе бумажник с крупной суммой денег. Так вот, теперь это мой бумажник. Вы хотите сказать, что мои поступки не вяжутся с требованиями мора ли? Клянусь, если бы у меня хватило времени я бы раздел этого дьявола догола, как он поступил со многими вдовами и сиротами!

- Все это понятно. Но при чем тут я? При чем тут артистки?

- Будьте сообразительнее, Баркер. Как вы думаете, мог бы я ограбить своего личного врага и остаться непойманным? Безнадежная затея. Я должен был разыграть роль обычного бандита, лишь случайно повстречавшего Уайльда. Вот я и появился на большой дороге, доверившись случаю. Мне не повезло: первым, кого я встретил, оказались вы. Какой же я идиот! Не узнать ваш старый рыдван по лязгу, с которым он взбирался на подъем... Увидев вас, я едва мог говорить от смеха. Однако мне пришлось выдержать свою роль до конца. То же самое и с актрисами. Боюсь, тут я выдал себя, так как не мог присвоить безделушки женщин, но все же продолжал разыгрывать комедию. Потом появился тот, кого я ждал. Тут уж было не до фарса. Я намеревался обобрать его дочиста и обобрал. Ну, Баркер, что вы скажете теперь? Вчера я держал пистолет у вашего виска, а сегодня вы держите у моего.

Молодой человек медленно встал и с широкой улыбкой крепко пожал судьёру руку.

- Больше так не делайте, - сказал он. - Слишком рискованно. Эта свинья Уайльд жестоко с вами рассчитается, если вас поймают.

- Хороший вы парень, Баркер. Нет, больше я этим заниматься не собираюсь. Кто это сказал о "насыщенном чае"? [ссылка на строки из стихотворения английского поэта Т.О.Мордаунта (1730-1809): "...один

насыщенный славными свершениями час стоит целого века бездействия"]
Честное слово, это чертовски интересно! Настоящая жизнь! А еще говорят об охоте на лис! Нет я никогда не повторю вчерашнее, иначе не смогу остановиться.

На столе пронзительно зазвенел телефон, и баронет поднял трубку. Он слушал и одновременно улыбался своему гостю.

- Я сегодня задержался, - обратился он к нему, - между тем в суде графства меня ждет несколько дел о мелких кражах.